

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдельнаго номера 20 к.

ФЛАЖА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

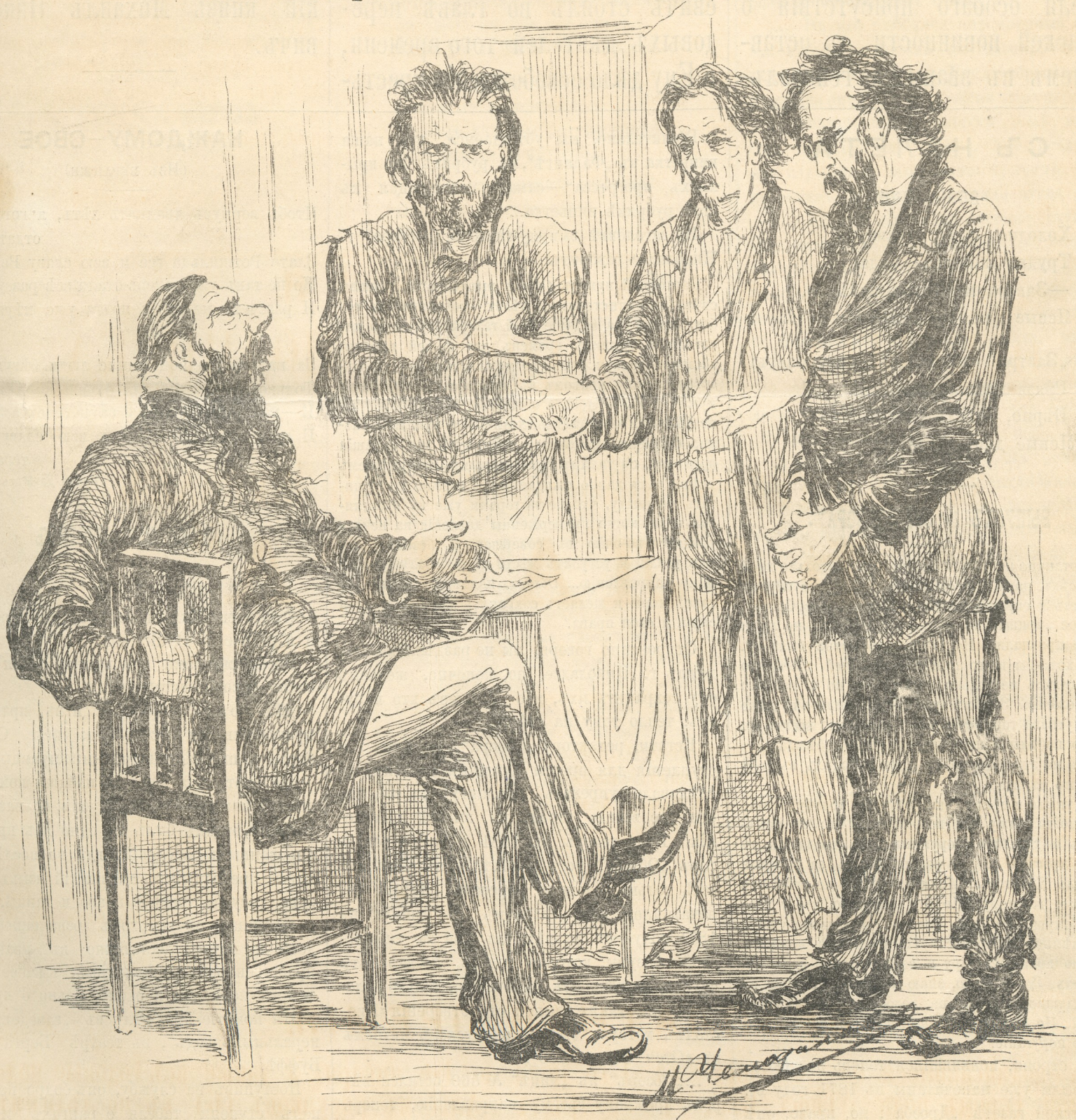
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:
 На 1 годъ... 8 р. — к.
 „ 6 мѣсяцевъ... 4 „ 50 „
 „ 3 мѣсяца... 2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:
 На 1 годъ... 8 р. 50 к.
 „ 6 мѣсяцевъ... 5 „ — „
 „ 3 мѣсяца... 2 „ 75 „

Въ камерѣ Тифлискаго Слѣдователя.

Первый.—Нельзя-ли поинтересоваться, за что я просидѣлъ пять лѣтъ?
 —По подозрѣнію.
 Второй.—А я?
 —По недоразумѣнію.
 Третій.—А я?
 —По неизвѣстной причинѣ.

КРУПНОЕ СОБЫТИЕ

გაზეთი
ფალანგა

Его Императорское Высочество, Великий князь Константинъ Николаевичъ уволенъ по прошению отъ должностей председателя Государственнаго Совѣта, председательствующаго въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія и председателя особаго присутствія о воинской повинности, съ оставленіемъ въ званіяхъ генераль-

адмирала, генераль-адъютанта, а также въ прочихъ должностяхъ и званіяхъ.

По этому поводу намъ не мѣшаетъ вспомнить, что въ періодъ реформаторской дѣятельности покойнаго Государя, Великий князь Константинъ Николаевичъ стоялъ во главѣ передовыхъ дѣятелей того времени, и Ему дѣло освобожденія крестъ-

янь обязано больше, чѣмъ кому бы то ни было изъ прочихъ сотрудниковъ Государя.

Эту великую Его службу не забудетъ, конечно, исторія.

Председателемъ Государственнаго Совѣта назначенъ Его Императорское Высочество Великий князь Михаилъ Николаевичъ.

СЪ НАЛЕТА

ЯСНЫЕ ДНИ

Холодно, сыро и скверно!

Трудно живется—бѣда!

—Завтра начнутся, навѣрно,

Ясные дни, господа!

„Завтра“ съ дождемъ наступаетъ;

Грязь непролазная... Н—да!

Вѣрно, назадъ отступаютъ

Ясные дни, господа!

П. Р.

ВЫПУСКЪ № 560 „ОБЗОРА“.

„Я отлично понималъ, что черезъ нѣсколько дней для всѣхъ, даже для слѣпцовъ, выяснится вполне святость и справедливость того великаго „Слова“, которое „пришло въ міръ, къ людямъ, но люди его не признали“. Но зачѣмъ дарована была побѣда, хотя-бы всего на нѣсколько дней, тѣмъ, кто заслуживалъ не только пораженья, но и полнаго уничтоженья? Зачѣмъ удостоены были они даже и минутнаго торжества надъ тѣмъ, что всегда достойно побѣды и постоянно должно побѣждать?

Вотъ на эти-то вопросы я не находилъ въ себѣ никакого отвѣта...

...Я уныло и приниженно опускаю голову всякій разъ, когда вижу или вспоминаю, что въ комъ-нибудь и гдѣ-либо поруганы или страдаютъ тѣ самыя чувства, или тѣ самыя мысли, за которыя страдалъ Христосъ... Меня нисколько не утѣшаетъ сознание, что поруганіе это минутно, что у него нѣтъ будущности, что святое и правдивое ученіе непременно восторжествуетъ въ концѣ концовъ, что оно покажетъ міру и свою мощь, и свою полноту. Я это знаю, знаю отлично. Я вѣрю въ эту будущность, и ни на волосъ не сомнѣваюсь въ ней. Но почему должно остаться даже и минутное поруганіе?“

Эти строки, появившіяся теперь въ „Обзорѣ“, были уже напечатаны въ 1871 году въ грузинской газетѣ „Дрозба“; но, право, онѣ имѣютъ въ настоящее время больше значенія, чѣмъ имѣли въ 1871 г.

Рѣшительно, мы убѣждаемся, что наша виньетка въ „Фалангѣ“, къ рубрикѣ „на крыльяхъ прогресса“—самая подходящая къ этой рубрикѣ виньетка...

Въ заголовкѣ выпущеннаго № „Обзора“ г. Николадзе говоритъ:

Настоящій номеръ *Обзора* выпускается нами въ свѣтъ съ единственною цѣлью—сохранить за собою право на изданіе этой газеты впредь до наступленія лучшихъ временъ для нашей провинціальной печати, когда возможнымъ станетъ пользованіе этимъ правомъ въ интересахъ выясненія нуждъ и потребностей общества. Никто, конечно, не рѣшится опредѣлить, хотя-бы и приблизительно, скоро-ли, наконецъ, настанутъ эти „лучшія времена“, съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ всѣми такъ давно ожидаемыя. Позволительно питать надежду, что не за горами уже та счастливая пора, когда приверженцы давленія на печать убѣдятся во-очію въ совершенной бесплодности ихъ усилій и уступятъ мѣсто иному, болѣе разумному направленію... *Обзоръ* надѣется дожить до такой поры и желаетъ сохранить для нея и свои силы, и свои права.

Откровенно говоря, мы не раздѣляемъ надеждъ г. Николадзе, но, конечно, желаемъ ему сохранить ихъ, ибо „блаженъ кто вѣруеть: тепло тому на свѣтѣ!..“—

Кстати, редактору „Обзора“, чающему наступленія для прессы лучшихъ временъ, не слѣдовало упрекать „Фалангу“ за то, что она „не всегда стоитъ на высотѣ положенія.“ Вѣдь теперь, въ 1881 г., самъ редакторъ „Обзора“ могъ помѣстить въ своей газетѣ только половину перевода „Думы“, напечатанной имъ цѣликомъ въ „Дрозба“ въ 1871 году—съ разрѣшенія той же тифлисской цензуры, которая теперь, десять лѣтъ спустя, разрѣшаетъ напечатать только половину ея,—также какъ и стихотворенія «Апостоль», которое мы безъ пропусковъ читаемъ въ «Отеч. Зап.» 1870 г.

...„Обзоръ“ въ „лицѣ“ № 560 остался вѣренъ прежнему своему направленію, теперь едва лишь на половину терпимому нашей цензурой...

КАЖДОМУ—СВОЕ

(ИЗЪ ВЕРАНЖЕ)

Чтобъ вернуть двадцать лѣтъ, я готовъ бы отдать

Злато Ротшильда все и всю славу Вольтера,
Но не такъ ужъ теперь стали всѣ разсуждать,
И расчеты не тѣ, и не та уже мѣра!

* * *

За наживой одной нынче люди бѣгутъ,
Только злато одно для людей не химера!
И—повѣрьте—что всѣ за него отдадутъ
И свои двадцать лѣтъ, и всю славу Вольтера!

Иванъ-да-Марья.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ

Отецъ его былъ генераль, мать урожденная princesse Boukiasba.

Восприемниками отъ купели были лица очень высоко-поставленныя.

Дѣтство его охраняли и въ правилахъ нравственности наставляли: m-le Соттамбаркъ и m-г Петанлеръ—иностранцы.

Не смотря на желаніе папаши помѣстить его въ пажескій корпусъ, онъ, по настоянію мамы, отданъ былъ въ одно изъ привилегированныхъ заведеній, гдѣ на послѣднемъ курсѣ преподаются: англійскій языкъ, физика, государственное право и танцы.

Окончивъ съ успѣхомъ означенное заведеніе и почти достаточно въ правилахъ нравственности укрѣпленный, высшее образованіе получилъ и окончательно о чувствѣ долга понятіе прибрѣлъ въ „заведеніи минеральныхъ водъ“, въ театрѣ Берга и въ Буффѣ.

Поступивъ на службу, онъ бодро переступалъ ступени табели о рангахъ и гордо несъ девизъ своего рода: „служи и дослужишься“.

Въ дореформенное время лозунгъ его былъ: „разорить, сокрушить!!!“ и „да подтянись-же ты!“ Въ вѣкъ реформъ лозунгъ перестроился: „хотя, конечно, съ одной стороны; но, тѣмъ не менѣе, съ другой“...

Тридцати лѣтъ женился на дочери своего начальника и послѣ рожденія перваго ребенка получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго генерала.

Нѣсколько разъ путешествовалъ по Европѣ; послѣдніе годы жизни ѣздилъ каждое лѣто въ Карльсбадъ, для поправленія разстроеннаго на службѣ здоровья *).

Былъ предсѣдателемъ комисіи по изысканію мѣръ для искорененія зла и водворенія добра, на каковомъ постѣ и умеръ.

Передъ гробомъ шли пѣвчіе и играла музыка, за гробомъ ѣхало тридцать шесть каретъ.

ТОЖЕ ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ

Милый другъ, я умираю,
Оттого что былъ я честенъ

.....

Кто былъ его отцомъ — покрыто мракомъ неизвѣстности. Мать была солдатка.

Восприемникамъ отъ купели были: жена дьякона Аграфена Тиханебесавлетанская и волостной писарь Антипъ Фердыщенко.

Первоначальное воспитаніе получилъ и начатки нравственности изучилъ подъ руководствомъ дьячка мѣстной церкви.

Матушка хотѣла отдать его въ обученіе цѣловальнику, но онъ, будучи достаточно дома сѣченъ и за виски дранъ, сбѣжалъ въ губернской городъ, гдѣ при помощи неизвѣстныхъ благотворителей успѣлъ окончить гимназію.

Въ университетъ поступилъ и курсъ кончилъ безъ помощи какихъ либо благотворителей; во время университетской жизни три раза умиралъ съ голоду; но ему везло — въ университетъ снова принимали, а уроки по четвертаку въ часъ спасали его отъ голодной смерти.

Хотѣлъ поступить на службу, но, въ виду двукратнаго на родину высыланія, нигдѣ принять не былъ и, чтобы не умереть съ голоду, занялся литературнымъ трудомъ.

Писалъ на мотивы гражданской скорби и писалъ слишкомъ рѣзко, почему девять десятыхъ его произведеній остались на цензурныхъ полкахъ.

Женатъ не былъ, почитая бракъ излишней и недоступной для кармана роскошью.

Путешествовалъ нѣсколько разъ, только не по Европѣ.

*) Почти каждый вечеръ игралъ въ вистъ, а когда цивилизація достигла апогея и былъ изобрѣтенъ винтъ, то винтилъ по полкопейкѣ.

Въ карты не игралъ, ибо былъ плохо воспитанъ.

Умеръ въ больницѣ, и никто за его гробомъ не шелъ.

Юсь.

Н. Н.—прекрасный человѣкъ!

Одно бѣда—скупенекъ:

Укоротить свой долгій вѣкъ

Готовъ онъ ради денегъ...

Отъ этой скупости его

Жена сошла въ могилу,

Пять дней не ѣвши ничего

И выпивъ черезъ силу...

Но онъ и тутъ не приунылъ

(Онъ стойкимъ былъ мужчиной!)

За гробъ ея онъ заплатилъ

Лишь рубль всего съ полтиной...

А чтобы, боннѣ для дѣтей

Платя, не разориться,—

Рѣшилъ онъ храбро—поскорѣй

Еще разокъ жениться!..

Да, Н.—прекрасный человѣкъ!

Одно бѣда—скупенекъ:

Укоротить свой долгій вѣкъ

Готовъ онъ изъ-за денегъ!..

А Левъ.

СТРАННАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Въ одной и той же типографіи печатались два романа, не имѣющіе между собою рѣшительно ничего общаго—одинъ подъ заглавіемъ „Золото“, другой подъ заглавіемъ „Грязь“. Героинею романа „Золото“ была знатная, свѣтская женщина. Героинею романа „Грязь“—бѣдное „милое, но погибшее созданіе“. Одинъ и тотъ-же наборщикъ набиралъ оба романа и по небрежности перемѣшалъ рукописи. Вотъ, какой результатъ получился отъ этой небрежности:

... Ее всѣ считали за идеалъ жены и матери. Она была очень хороша собой, но тѣмъ не менѣе никто о ней не злословилъ. Мужъ ея былъ знатенъ и богатъ. Комфортъ и роскошь окружали ее съ малолѣтства....

.... У ней не было мужа. Она сама содержала и себя и свою старую, больную мать. Она была миловидна и скромна, но тѣмъ не менѣе всякій считалъ себя въ правѣ оскорблять ее. Грубости и брань сыпались на нее ежедневно въ изобиліи. Грязь и нищета окружали ее съ малолѣтства....

.... Она ничего не читала. Она еде, еле по складамъ умѣла разбирать печатныя строки. На ея воспитаніе не было истрачено ни единой копейки. Она тратила очень мало на свой туалетъ, но тѣмъ не менѣе туалетъ этотъ всегда бросался въ глаза яркостью красокъ, безвкусіемъ покроя и мишурною роскошью....

... Она никогда никого не любила, но ей

доставляло наслажденіе сознать, власть своей красоты. Ее всегда окружала толпа поклонниковъ, и многіе изъ нихъ сгубили свою жизнь, сдѣлавшись жертвой ея холоднаго кокетства. Сама же она оставалась на высотѣ добродѣтели и ни единого пятна не было на ея репутаціи. Когда одинъ изъ ея поклонниковъ, доведенный до изступленія ея кокетствомъ, хотѣлъ обнять ее, она ударила его по щекѣ....

Она никогда никого не любила. Ей былъ противенъ каждый, покупавшій ея дешевую любовь. Ради куска хлѣба, ради старухи матери она продавала свои ласки. Ее ругали и оскорбляли всѣ ея поклонники. Только разъ, одинъ только разъ въ ней проснулось достоинство женщины, но за этотъ одинъ разъ ее избилъ какъ собаку....

.... Въ нее влюбился подчиненный ея мужа. Робко, со слезами на глазахъ, онъ сказалъ ей о любви своей. Какъ добродѣтельная женщина она была возмущена этою дерзостью и приказала лакею вывести вонъ нахала. Она пожаловалась мужу... Его исключили изъ службы, не объяснивъ причини. Никто не узналъ, за что его лишили куска хлѣба.

.... Въ нее влюбился юноша студентъ. Онъ хотѣлъ на ней жениться, но она, считая себя безнравственной женщиной, боялась погубить его жизнь... Ничего не сказавъ, она перемѣнила квартиру, и онъ болѣе не нашелъ ее. Потомъ она случайно узнала, что онъ боленъ и безъ денегъ. Она послала ему небольшую сумму, которую берегла на черный день. Онъ такъ и не узналъ, кто прислалъ ему эти деньги.

..... У ней былъ сынъ... Къ нему были приставлены двѣ няньки и англичанка. Она цѣловала его утромъ, когда онъ приходилъ къ ней здороваться; она крестила его вечеромъ, когда онъ уходилъ спать. Занятая визитами и постоянною игрою въ любовь, она въ теченіи дня болѣе его не видѣла. Ее всѣ считали примѣрною матерью....

..... У ней былъ сынъ.. Она любила его всѣми силами души своей. Она проводила съ нимъ цѣлыя дни, она просиживала у его постели всѣ свои свободныя ночи. Кромѣ нее и старухи-бабушки у этого мальчишки никого не было, тѣмъ не менѣе онъ росъ безъ лишней, окруженный заботливостью и попеченіемъ. Всѣ грубо смѣялись, когда она по неосторожности начинала говорить о своихъ материнскихъ чувствахъ....

.... Общество смотрѣло на нее какъ на идеалъ нравственности и добродѣтели....

.... Общество отворачивалось отъ нее какъ отъ дочери разврата о порочности.... Набравъ эти послѣднія двѣ строчки наборщикъ замѣтилъ свою ошибку и, ругнувшись крѣпкимъ словомъ, началъ отдѣлывать „Грязь“ отъ „Золота“. Удастся-ли ему эта работа?

Эту странную случайность выдумалъ

Черный Скорпионъ.

К Ъ Р О М А Н А

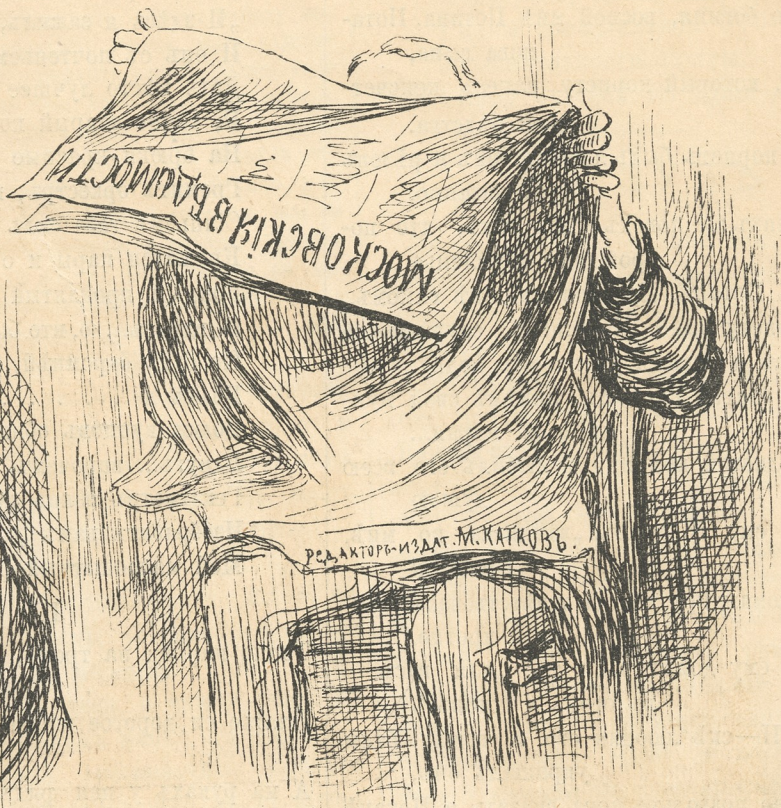
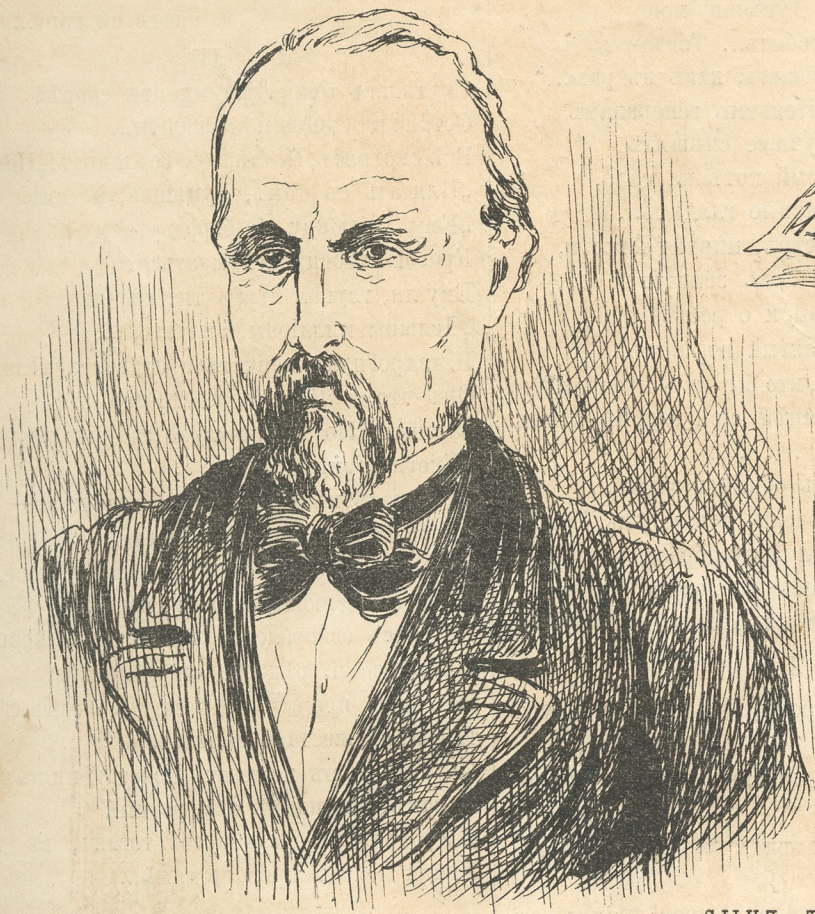
МАРТЪ
30340101333

„НА РАСПУТЬИ“.

Ром. Австенко.

И П О В Ъ С Т Я М Ъ.

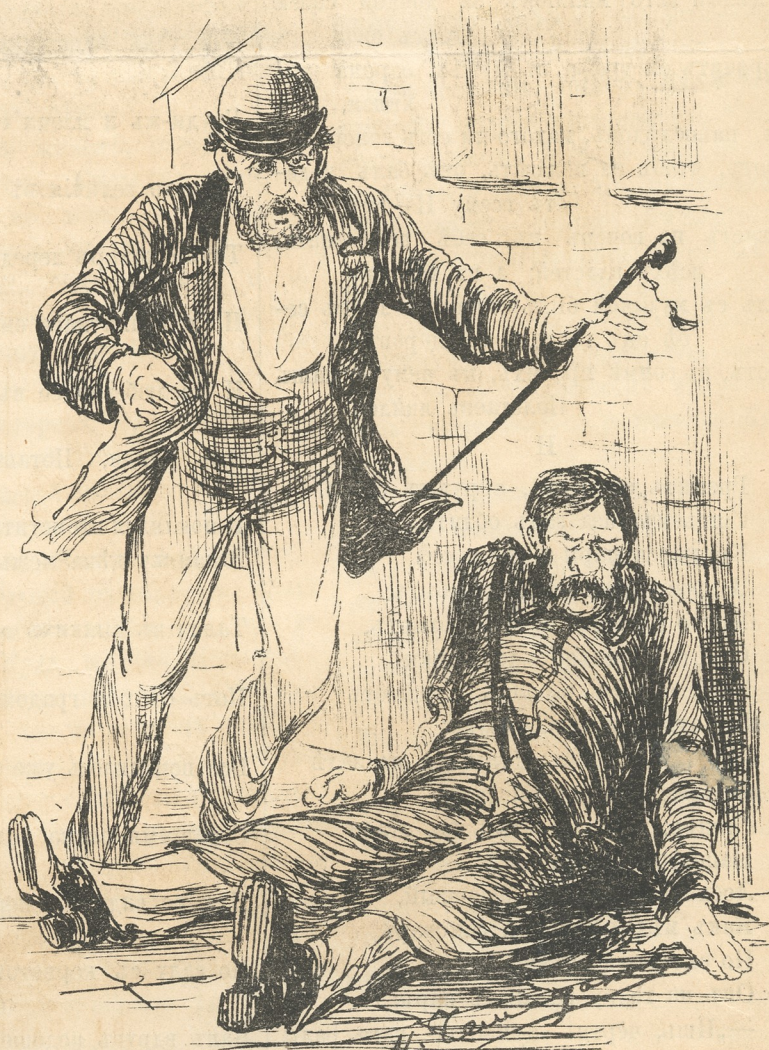
„СЫНЪ ТЪМЫ“.

Ром. Абу.

„Изъ-за благъ земныхъ“.

Ром. Авсенько.

„Подводный камень“.

Ром. Авдеева.

БАЛЬ ВЪ УЪЗДНОМЪ ГОРОДИШКЪ

(поэма-малютка).

I

Гнѣвъ, о богиня, воспой мнѣ Потапа, Потапова сына,
Грозный, который корнету нанесъ неисчет-
ныя бѣдства.
Дивенъ корнетъ былъ лицомъ, юнъ и рѣзавъ
несказанно,
Въ танцахъ же ловакъ былъ такъ, что по-
рождалъ изумленье
Даже въ Потапѣ, Потаповомъ сынѣ самомъ..
Имя корнету было Полетаевъ, служилъ-же
онъ въ н—скомъ уланскомъ полку.
Честно и славно служилъ, ничѣмъ свой мун-
диръ не марая..
Самъ полковой командиръ любилъ его всею
душою
И часто ему говорилъ: „зайди-ка ко мнѣ,
Полетай!
И онъ командиру всегда отвѣтствовалъ чин-
но и кротко,
Воздавъ ему должную честь: „для васъ
въ огонь я готовъ!“
Всѣ въ н—скѣ любили его и всюду балы
украшалъ онъ,
Пока... но позвольте пока сказать о Потапѣ
два слова..
Потапъ—именитый купецъ. Онъ предками
правда, не славенъ,
Но цѣлый зато миллионъ за дочкой своею
дастъ онъ
И прочитъ ей графа въ мужья, барона или
князя,
Или, напоследокъ, какого ни есть генерала..
И вотъ, чтобъ ее показать, онъ балъ зада-
етъ всему н—ску,
Сзываетъ на вечеръ къ себѣ всю знать,
всѣхъ властей; а въ танцоры
(Баль съ музыкой былъ) пригласилъ къ се-
бѣ онъ господъ офицеровъ..
И вотъ, въ сонмѣ прочихъ, къ нему и нашъ
Полетаевъ явился.

II

Гремитъ оркестръ, пируютъ гости,
Сіянемъ газа залъ облить,
Кружатся пары и о ростѣ
Вопросъ проклятый позабытъ:
Никто долговъ не вспоминаетъ,
Сіяютъ счастьемъ должники
И съ янымъ взоромъ ожидаютъ
Пожатъя вражеской руки;
А врагъ, Пстапъ Потаповъ, въ залѣ
За кресломъ дочери своей
Стоитъ, какъ вылитый изъ стали
Наполеоновъ мавзолей!
Лоснится ликъ его багровый,
Какъ мѣдный новый самоваръ,
Но смотреть гнѣвно и суро:о
Онъ на толпу веселыхъ паръ:
—„Ишь, черти!—думаетъ,—какъ рады
„Попить, поѣсть на счетъ чужой!

„Плохѣ-жь вы аристократы
„Передъ купеческой мошной..
„Ну, да плевать на васъ! Когда бы
„Мнѣ только Дунюшку мою
„За генерала сбить... Тогда-бы
„И здѣсь я зажилъ, какъ въ раю..
И онъ съ почтеньемъ генераламъ
Дать мѣсто лучшее спѣшитъ
И, точно старый котъ на сало,
На брюки красные глядитъ..
Гремитъ оркестръ, пируютъ гости,
Сіянемъ газа залъ облить,
Кружатся пары и о ростѣ
Вопросъ проклятый позабытъ!..
И вдругъ... о, кто бы могъ предвидѣть?
Но будь скромнѣй, мой слабый стихъ:
Боюсь я
Боюсь купцовъ обидѣть злыхъ..
Вдругъ... впрочемъ, лучше ужъ, Гомера
Гекзамеръ взявъ за образецъ,
Изобразить вамъ „столовѣра“
Мой малоопытный рѣзецъ!..

III

Точно царица на тронѣ, Дунюшка въ креслѣ
сидѣла;
Платье ея дорогое шелкомъ тончайшимъ ло-
снилось,
А на рукахъ у нея рядъ брилліантовъ го-
рѣлъ;
Золото колець какъ солнце сіяло, а
жемчугъ
Шею и пышную грудь Дунюшки млекомъ
облить..
Дивно была хороша Дунюшка въ дивномъ
нарядѣ;
Груди-жь и плечи ея пышностью всѣхъ по-
ражали:
Столько величія въ нихъ, столько дородно-
сти было!
Точно комаръ передъ нею казался корнетъ
Полетай;
Но приглянулась ему Дунюшки стать: неска-
занно
И прелюбезно ее въ вальсъ онъ, коварный,
увлекъ..
Это увидя, Потапъ гнѣвъ ощутилъ въ
своемъ сердцѣ
И поклялся отомстить юному витязю страшно.
Юная-жь дѣва межъ тѣмъ, вся отъ любви
замирая,
Таяла въ пылкихъ объятыхъ полнаго стра-
сти вальсера;
Потъ съ нея градомъ катилъ, а платье ея
дорогое
Все поизмялось уже и пятна на немъ высту-
пали,
Страшныя пятна подъ мышкой.. но пышная
дѣва
Ихъ не видала теперь: въ восторгѣ безум-
номъ она
По залу съ корнетомъ летала, блаженству
не зная границъ..
Какъ вдругъ подошелъ къ ней Потапъ и,
слова не молвя худаго,

Такую пощочину ей, что дрогнулъ весь
залъ, закачался
—„Ты что-жь это, дура?“ и онъ свою удво-
яетъ ей кару...

IV

Смутилась толпа. Музыканты скорѣй
Оставили скрипки и флейты..
Всѣ смотрятъ, Потапъ-же горланить: „Не смѣй
„Плясать съ нимъ, Дунашка, не смѣй ты!
„Ему ли, юнцу, безбородку, ему-ль
Красою твоей наслаждаться?
Ему ли, глупая тварь ты, ему-ль
„Должны миллионы достаться?..
И вздрогнулъ корнетъ и отвѣтить желалъ-
Онъ что-то Потапу, но грозно
Затопалъ Потапъ и слугѣ закричалъ:
„Смети этотъ
И тотчасъ къ герою слуга подошелъ—
„Бери-ка, валий его въ шею!“
Воскликнулъ Потапъ и преравно пошелъ
Самъ съ Дунюшкой далѣ своею..
Не снесъ оскорбленья несчастный корнетъ,
Не снесъ, и, рѣшивъ застрѣлиться,
Всю ночь прорыдалъ, а на утро, чѣмъ свѣтъ,
Изволилъ жестоко напиться!..
Съ тѣхъ поръ не везетъ Полетаю ни въ чемъ,
И самъ командиръ ему ротный
Въ отставку подать посоветовалъ, въ томъ
Увидя исходъ превосходный...

А. Левъ.

СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА

„Въ чужомъ глазу соломинку ты видишь..
„Въ своемъ не видишь и бревна!“

А. Пушкинъ.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, вся-
кій, кто только можетъ, спѣшитъ пропи-
сать публикѣ рецептъ для спасенія отече-
ства. Прежде на этомъ поприщѣ стяжали
извѣстность гг. Катковъ, Цитовичъ, Баталинъ
и раззорившіеся владѣльцы приволжскихъ
„Монрено“... У насъ, въ Тифлисѣ, на этотъ
счетъ было „тихо“; первымъ „рецептур-
нымъ спасителемъ отечества“ явился пол-
ковникъ Криницкій, въ „Тифлискихъ Объя-
вленіяхъ“, съ своимъ проектомъ паспор-
товъ съ фотографією!..

Не довольствуясь этимъ, тотъ же полков-
никъ (или подполковникъ—хорошенько не
помню) въ той же газетѣ прочелъ другой
проектъ спасенія отечества посредствомъ „из-
мѣненія формы въ войскахъ“!

Но всѣ эти «проекты» блѣднѣютъ передъ
проектомъ спасенія отечества посредствомъ
„шарманки“, оголоточного надзирателя г. Го-
лицынского!..

Документъ этотъ настолько интересенъ,
что мы остановимся на немъ.

Г. Голицынский, какъ самъ рекомендуетъ,
есть никто иной, какъ «оголоточный
надзиратель» въ кукійской части. Означен-
ному надзирателю пришлось производить
дознаніе, и онъ поѣхалъ ночью за Мухтаидъ,
въ духанъ г. Тхеладзе..Очамъ его пред-

сталь... „отворенный духанъ при полномъ освѣщеніи!“ Какъ? ночью духанъ отворенъ!. Что же дѣлаетъ уѣздная полиція!?!... «Не могу,—говоритъ г. Голицынский,—не указать на нѣкоторую халатность, съ которою относится къ исполненію своихъ обязанностей тифлисская уѣздная полиція... она не можетъ отвергать факта, что *не исполняетъ своихъ обязанностей...*“ Чтѣ же это такое, гг?.. Вѣдь это—конецъ свѣта!.. Вѣдь это значитъ, возсталъ братъ на брата!.. Прочтя эти строки г. Голицынскаго, я убѣдился, что въ ноябрѣ мы всѣ погибнемъ!..

Зачѣмъ же этотъ духанъ такъ отдаленъ отъ города? Очевидно, это притонъ „тифлисскихъ „кинто“ и разныхъ воровъ, жуликовъ и мазуриковъ“! Кто изъ „порядочныхъ“ поѣдетъ въ духанъ, который „изолированъ отъ всякаго надзора властей“?

Послѣ этихъ словъ, я прихожу въ ужасъ и опасеніе за себя и за другихъ!.. Сколько разъ приходилось мнѣ, катаясь по Муштаиду, заѣзжать въ „пивную“, находящуюся за „дальней Колоніей“ и гораздо дальше духана г. Тхеладзе! Вѣдь я встрѣчалъ тамъ своихъ друзей, знакомыхъ, между которыми бывали и весьма степенные господа. Теперь я задаю себѣ вопросъ: да полно, порядочный ли я человекъ и порядочные ли люди—посѣщавшіе эту пивную?.. Отчего намъ не приходила въ голову мысль: находится ли означенная пивная „подъ надзоромъ властей“? А что, если она „изолирована“ отъ нихъ?.. тогда вѣдь мы... воры, жулики, мазурики!

Г. Голицынский, прямо полагаетъ, что уѣздная полиція дала разрѣшеніе торговать ночью, «хотя ему (Голицынскому) хорошо извѣстно, что во всемъ Кодексѣ (!) русскихъ законовъ нѣтъ ни одной статьи, которая давала бы право торговать въ питейныхъ заведеніяхъ по ночамъ!.. Меликъ-Адамовъ, возражавшій ему, въ качествѣ уѣздной полицейской власти, называетъ „замѣтку“ г. Голицынскаго «*доносомъ*»! Сія грубость простительна восточному человѣку, не любящему выражаться деликатно... Какой доносъ?.. Кто теперь пишетъ доносы?.. Это просто сердечное изліяніе возмущеннаго полицейскаго чувства... Теперь доносы больше не въ модѣ... Ихъ замѣнили „рецептами спасенія отечества“.. А онъ возьми да прямо бухни—доносъ!! Какой неделикатный человѣкъ однако этотъ Меликъ-Адамовъ!.. Можно ли такъ прямо!..

Далѣе г. Голицынский переходитъ къ шарманкѣ. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—что музыка—зло, ужъ потому что она *способствуетъ развитію пьянства*“!..

Батюшки мои!.. А 60 тысячъ казенныхъ денегъ, отданныхъ г. Пальму?.. Вѣдь ему отдавали эти деньги „для развитія музыкальнаго вкуса публики“?.. Что скажетъ на это музыкальный рецензентъ „Кавказа“ Адольфъ Скрипачевъ?..

Въ доказательство этой мысли г. Голицынский приводитъ свои наблюденія, надъ рабочимъ людомъ, изложенныя въ нижеслѣдующей поэтической формѣ:

„Онъ (рабочій) забылъ, что, идя на работу изъ далекихъ странъ матушки Россіи, онъ задался мыслью заработать и скопить деньги, чтобы, придя домой, поправить свое хозяйство; онъ забылъ, что на родинѣ его ждутъ жена, дѣти! Да, какъ не забыть? Во хмѣлю все забывается! (Откуда это знаете, г. Голицынский?) А тутъ еще музыка, родная пѣсня, пляски, добродушный хозяинъ: все къ его услугамъ. И вотъ, кончается работа, бредетъ мужичекъ домой, на родину. Вышелъ онъ въ новомъ зипунѣ, съ достаточнымъ количествомъ бѣлья и въ салогахъ, а назадъ идетъ „яко нагъ, яко благъ и яко нѣтъ ничего“! (?)

Итакъ, все зло отъ музыки!.. Уничтожьте ее—и рабочій перестанетъ пьянствовать и разбогатѣетъ! Нѣтъ сомнѣнія, что такъ легко никто еще не разрѣшалъ въ нашъ вѣкъ этого жгучаго социального вопроса!..

Не далеко отъ Михайловскаго моста, на самомъ бойкомъ мѣстѣ, возвышается трехэтажный домъ. Въ нижнемъ этажѣ этого дома помѣщаются лавки, и между прочимъ „подвалъ кахетинскихъ винъ“, въ коемъ запрещена торговля «распивочно». Подгалъ по закону долженъ запирается въ 11 часовъ вечера...

Два часа ночи... Проѣзжему представляется слѣдующаго рода картина: свозъ плохо прикрытыя ставни подвала, прорывается яркій свѣтъ, оттуда доносятся звуки шарманки и арфы... идетъ пляска съ прекраснымъ поломъ, крикъ, шумъ, гамъ...

Во второмъ этажѣ жилецъ, отворивъ окно, сидитъ возлѣ него... Очевидно, производящій внизу шумъ не даетъ ему спать!.. Вѣднуга! Однако, кто же это такой терпѣливый человѣкъ?.. Вглядываюсь... и—о, Боже... это нпето иной, какъ начальникъ *уѣздной* полиціи, читающій нотацію г. Голицынскаго!..

Околотокъ, въ которомъ происходитъ эта сцена, находится въ вѣдѣніи г. Голицынскаго. Вѣдь онъ кукійской части!

Четыре часа утра... Николаевская улица... свѣтаетъ... Околоточный надзиратель, дѣлая провѣрку городовымъ, замѣчаетъ, что не достаетъ двоихъ. Куда же они дѣвались?.. Не произошло ли чего нибудь?.. Осматривается и видитъ, что въ винномъ погребѣ сломаны двери... Околоточный летитъ туда, и ему представляется слѣдующая картина: двое городскихъ мертвецки пьяные лежатъ другъ возлѣ друга... Ящикъ съ деньгами сломанъ... водка и вино разлиты по землѣ...

Околотокъ, въ которомъ происходитъ эта сцена, не находится ли въ вѣдѣніи г. Голицынскаго? Вѣдь онъ кукійской части!..

Отставной квартальный надзиратель
Держиморда.

ИЗЪ АЛЬБОМА А. ЛЬВА
В. К. Мюру.

Чередуюсь, точно волны,
Риемы звонкія твои
Усыпительности полны,
Самой нужной въ наши дни...

НА ЗУБЪ

Гаспаръ Сааковъ, бывший домовладѣлецъ, выказалъ недавно «довѣрчивость и простодушіе», два весьма рѣдкія качества въ наше время «холоднаго разсудка», за что и лишился цѣлаго дома. Понадобились г. Саакову деньги—какъ пишетъ онъ самъ въ „Кавказскомъ Курьерѣ“—и на помощь къ нему явился докторъ Кючарьянцъ, давшій ему 5000 руб. подъ вексель и убѣдившій «простодушнаго» Саакова выдать въ обезпеченіе этого займа неустоечную запись въ 20 или 25 тысячъ рублей „на всякій случай“!—Дѣло кончилось тѣмъ, что докторъ медицины воспользовался между „всякими случаями“ и случаемъ стянуть съ Саакова капитальную сумму и неустойку, *убѣдивъ должника по наступленіи срока отложить платежъ по векселю*. Такъ говоритъ Сааковъ.

Докторъ медицины Кючарьянцъ заявляетъ въ той же газетѣ, что онъ до сихъ поръ не получилъ „полнаго удовлетворенія“ и что онъ притянетъ Саакова къ суду за клевету.

Безъ сомнѣнія, докторъ Кючарьянцъ подъ словами „полное удовлетвореніе“ подразумеваетъ платежъ какъ по векселю, такъ и по неустоечной записи. Но, къ сожалѣнію, онъ не объясняетъ, сколько онъ недополучилъ до „полнаго удовлетворенія“, такъ что остается неизвѣстнымъ, на десятки, или на сотни рублей простирается клевета Гаспара Саакова.

Конечно, это обстоятельство выяснится на судѣ, но до того времени общество перестанетъ интересоваться разсчетами Кючарьянца и Саакова.

О Кючарьянцѣ будутъ помнить къ тому времени только развѣ въ банкахъ, гдѣ примутъ къ свѣдѣнію, что доктору можно открыть кредитъ, какъ человѣку „благонадежному“... Что касается суда... Но, скажите пожалуйста, что можетъ значить официальный судъ въ дѣлѣ, въ которомъ только судъ общественнаго мнѣнія долженъ былъ бы имѣть мѣсто!

Вотъ, если бы доктору Кючарьянцу (если все, что говоритъ Сааковъ—правда) знакомые перестали бы кланяться, въ тифлисскомъ собраніи и въ кружкѣ исключили бы его изъ списка членовъ, а его коллеги отвернулись бы отъ него—вотъ это былъ бы „судъ“—и судъ для такого дѣла самый настоящій...

А что, гг старшины нашихъ клубовъ,—не возьмете ли вы на себя почина въ этомъ дѣлѣ?

„ПРОЖЕКТЕРЪ“

19 февраля 1861 года крѣпостное право было упразднено. Упраздненіе это повлекло за собою великіе и отчасти неожиданные результаты: господа помѣщики перестали быть отцами, а съ господь рабочихъ спали тѣсныя пеленки несовершеннѣйшихъ. Первые приунили, послѣдніе временно возликовали. Ликованіе было временно потому, что скоро, *очухавшись*, они замѣтили, что имъ чего-то не достаетъ, не хватаетъ, какъ они говорили. Это что-то было, впрочемъ,—бездѣлкой, совершенной бездѣлкой:—не хватало имъ только земли, и вотъ, какъ безконечныя ленты изъ бездонной шляпы ловкаго фокусника, поползли изъ разныхъ головъ всевозможные *прожекты* и *прожектики*, то наивно-нелѣпыя, то хитроумно недодуманные, то фейерверкомъ звонкихъ фразъ ослѣпляющіе... Трудно стало даже услѣдить за всею массою быстро одинъ за другимъ являвшихся и также быстро одинъ за другимъ исчезающихъ прожектовъ.

— Эхъ Ив. Ив! Ив. Ив! и охота вамъ бумагу марать!—не удержался я на дняхъ сказать одному изъ подобныхъ „прожектеровъ“, отставному полковнику гвардіи, нынѣ весело проводящему лѣто въ своемъ приднѣпровскомъ Монрепо...—Вѣдь, кому-же не ясно, что вы своей „всословной волостью“ хотите только возродить старое, никуда негодное, давнымъ-давно свой вѣкъ отжившее крѣпостное право? Кому не ясно, что это вы себя, себя прежде всего прочите въ „несмѣняемые и неотвѣтственные, съ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ“ старшины этой, на первый взглядъ такой завлекательной волости? Я знаю, вы привыкли быть „отцомъ благодѣтелемъ“, и тяжело вамъ теперь безъ вашихъ по рукамъ и по ногамъ связанныхъ дѣточекъ, вотъ и придумываете вы благовидную форму для того, чтобы дѣточки, возвратившись вспять, въ лоно родительское, не вздумали запротестовать и руками и ногами. Но, вѣдь, это вамъ не удастся и, право, вы напрасно только надрыгаетесь...

— А почему вы думаете, что не удастся? огорчился Иванъ Ивановичъ.—Мы-съ, м. г.,

и не такія еще дѣла дѣлывали! Да къ тому-же у меня связи...

— Эхъ, да вѣдь теперь-то ужъ не то, что прежде было...

— Ну, это-съ вы напрасно... Еще поглядимъ-съ, чья возьметъ!... И онъ ухарски сталъ крутить свой черный фабричный усъ, точно заранѣе былъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Вы, молодежь,—продолжалъ между тѣмъ И. И.—не знаете еще и сотой доли того, что мы, старики, знаемъ; оттого вамъ и дико все это кажется... А поживете съ наше, такъ и увидите...

Но подлый комаръ не далъ кончить Ивану Ивановичу. Сѣвъ ему на самый кончикъ носа, онъ кольнулъ его съ такимъ ожесточеніемъ, что Иванъ Ивановичъ чуть не заплакалъ и, поймавъ комара, со всеусердіемъ сталъ растирать его своими пухлыми, выхлещенными пальцами...

Какія подлые животныя! Какъ, вѣдь, больно кусаются,—замѣтилъ онъ при этомъ.

— Смотрите, что бы и мужикъ не укусилъ васъ такъ-же...

— Э, пустое! Мы и его вотъ такъ-же!—весело отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ и показалъ мнѣ свою ладонь, на которой только „мокренъко“ было послѣ комара.

И Иванъ Ивановичъ отчасти правъ. Осуществившись только его проэктъ вссословной волости, и онъ мужика въ дугу согнетъ, всѣ рога ему обломаетъ, въ бараній рогъ его скрутитъ, куда Макарь телятъ не гонялъ упрячетъ и т. д. и т. д.

Да, тяжело придется мужику подъ властью долго, терпѣвшаго въ бездѣйствіи своей помѣщичьей власти Ивана Ивановича. Выместить ужъ на немъ Иванъ Ивановичъ всѣ свои тяжкія... И хлѣба мужикъ ѣсть не захочетъ... Березы наѣстся...

— Вы думаете, я допустилъ-бы въ моей волости такія безобразія, какія я видѣлъ у нашего Мирона Савельева...

Вхожу въ грязную, вонючую избу (это—ваша-то прославленная крестьянская волость, за которую вы такъ ратуете,—звительно вставилъ И. И.) вхожу я, а мужичье глупое развалилось себѣ на лавкѣ, никто даже и не приподнялся при моемъ входѣ. А! каково вамъ покажется?!. Этакое, подумаешь, невѣжество... Да будь я старшиной, я бы имъ

такъ запѣлъ, что они мнѣ потомъ за три версты шапки снимали бы, въ ноги бы кланялись...

— Но и теперь вы, вѣроятно, не оставили имъ этого безъ надлежащаго замѣчанія?

— Какже-съ, какже... сказалъ по-русски прямо, какъ патриотъ, имъ сказалъ...

— Нельзя-ли узнать,—что?

— А понятно,—что! Что они—ослы, дураки, мерзавцы...

— И болѣе ничего?...

— А чего же имъ еще больше?... Изумился Иванъ Ивановичъ.—Конечно, будь я старшиной, я бы ихъ еще не такъ, не такъ... Но, сами знаете, какъ наши права теперь стѣснены... Что-нибудь такое, этакое, знаете (выразительный жестъ),—сейчасъ къ мировому, и изволь тамъ на одной доскѣ съ этимъ глупымъ мужичьемъ стоять...

— Ну, а что-жъ бы вы сдѣлали, будь вы старшиной?

— Какъ, что? Да я бы сейчасъ—протоколь, сходи и, по приговору схода, мерзавца на конюшню, а ужъ тамъ знали бы, что съ нимъ дѣлать надо...

— Ну, а если-бы сходи нашель его невиновнымъ?

— Какже, смѣетъ онъ! да я сейчасъ-бы къ губернатору рапортъ: бунтъ! и такъ они заплясали бы у меня, только держись...

Да, съ Иваномъ Ивановичемъ шутки плохи: онъ человекъ *бывалый*, и осуществившись только его проэктъ (чего Боже упаси!), утекать придется, „утекать во всѣ лопатки, безъ сожалѣній и оглядки“...

Но благо, не даромъ пословица говорить, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ... Будемъ надѣяться, что прожекты Ивана Ивановича такъ и останутся на вѣки вѣчные прожектами, а наше любезное отечество отъ этого не только ничего не потеряетъ, но даже выиграетъ... Прогоритъ Иванъ Ивановичъ со своими прожектами и пойдетъ его земля мужикамъ за безцѣнокъ, и перестанетъ тогда Иванъ Ивановичъ строчить свои зловѣщіе прожекты. А вѣдь согласитесь, что и этого послѣдняго ужъ не мало...

А. Днѣпровскій.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ. (3) 30—21.

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ФАЛАНГА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Гг. подписчики могутъ получать журналъ съ 1 нумера настоящаго года.